

НЕ ЕГО УРОВЕНЬ

ЛАНА ФРЕЙТАГ

Лана Фрейтаг

Не его уровень

«Литнет»

2026

Фрейтаг Л.

Не его уровень / Л. Фрейтаг — «Литнет», 2026

Я беременна от своей школьной любви. От миллионера и восходящей звезды баскетбольной лиги. Только я не его уровень. Потому что Мию хотят. А женятся на Маше.***Алекс Зорин. Тот, о ком я мечтала в школе. Высокий, спокойный, недостижимый. Однажды он спросил, в порядке ли я, и я неделю жила на этих трех словах. Теперь он сам нашел меня. Но я больше не тихая Маша из приемной семьи. Я Мия. Девушка, которую мужчины смотрят по подписке, хотят ночью и забывают утром. Теперь я ношу его ребенка. А его миру не нужна такая женщина рядом с ним. Но я не буду его тайной. И наш ребенок тоже.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1

На несколько секунд я исчезла.

Осталась только кожа. Жар под ребрами. Влажная прядь волос, прилипшая к щеке. Пульс между ног, такой сильный, будто там билось отдельное сердце. Воздух входил в легкие рвано, через приоткрытый рот, и я никак не могла вспомнить, что обычно в такие моменты нужно быть красивой.

Я лежала на спине и смотрела в потолок, пока комната медленно возвращалась на место.

Золотистый свет у изголовья. Шелковая простыня липла к спине. Мягкая боль в пальцах от того, как сильно я сжала ткань. Внизу живота еще расходились теплые волны, ленивые и тяжелые, как после слишком сладкого вина.

Редко получалось по-настоящему.

Тело можно было научить почти всему: двигаться нежнее, дышать глубже, смотреть мягче, улыбаться так, будто ты не продаешь желание, а даришь его лично. Но удовольствие оставалось упрямым. Оно не приходило по расписанию, не подчинялось свету, музыке и просьбам быть «еще чуть-чуть нежнее, Мия».

Я моргнула, повернула голову и увидела, как по экрану летят сообщения.

«Бля, это было по-настоящему».

«Мия, я на тебе женюсь».

«Еще. Пожалуйста, еще».

«Сколько?»

«Ты просто нереальная».

Камера горела маленькой красной точкой.

Вот тогда я вспомнила, где нахожусь.

Я медленно улыбнулась в объектив. Сначала дала им пару секунд тишины, чтобы каждый из них успел решить, что видел что-то настоящее. Мужчины обожали верить, что именно в их присутствии женщина теряет контроль.

— На сегодня все, мальчики, — сказала я хриловато и провела пальцами по ключице, туда, где кожа еще была горячей. — Хорошие девочки тоже должны отдыхать.

Чат взорвался.

Донаты посыпались один за другим, будто они боялись, что я правда исчезну. Кто-то просил остаться. Кто-то писал мое имя капсом. Кто-то предлагал сумму, за которую я могла бы еще десять минут делать вид, что его желание имеет ко мне отношение.

Я потянулась к ноутбуку и завершила трансляцию.

Экран погас.

И вместе с ним исчезла Мия.

Комната сразу стала тихой. Спальня снова превратилась просто в спальню. Дорогую, идеально выставленную под кадр, но пустую. Кремовые стены, низкая кровать, огромное зеркало с теплой подсветкой, тяжелые шторы цвета шампанского. Все было выбрано так, чтобы в объективе казаться мягким, богатым и немного неприличным.

Даже я.

Я села, подтянула к груди простыню и посмотрела на свои колени. На коже еще оставались розовые следы от света и движения. На запястье отпечаталась тонкая цепочка браслета. Губы липли от блеска, волосы падали на плечи растрепанными волнами, но теперь это уже никому не продавалось.

Мама всегда говорила мне, что я должна быть сильной.

И она была самой сильной женщиной из всех, кого я знала. Она сбежала от моего отца, когда мне было три, увезла меня через океан и начала все с нуля. Почти без английского, без семьи, без денег, которые можно было назвать настоящими деньгами.

Через несколько лет у нее был свой риэлторский бизнес, белый внедорожник, клиенты с домами у океана и привычка говорить по телефону так, будто весь мир обязан был подстроиться под ее график.

Она пахла кофе, дорогим кремом для рук и свободой. Мы вместе смотрели кино по вечерам, ездили за мороженым, мерили платья в огромных торговых центрах.

Я думала, так будет всегда.

Потом ей позвонили из офиса. Она села за руль. Дорога была мокрой, грузовик слишком тяжелым, а жизнь, как оказалось, не обязана предупреждать заранее.

Мне было двенадцать.

Бизнес оказался не таким крепким, как мамина уверенность. Кредиты, долги, партнерские обязательства, страховка, которая закрывала не все. Дом продали быстро. Машину тоже. Украшения исчезли в чужих ладонях, пока я еще пыталась запомнить, какие из них мама обещала однажды отдать мне.

От мамы осталась коробка фотографий, несколько платьев в чехлах и привычка делать вид, что я справляюсь.

Первая приемная семья была нормальной, но от этого почему-то не становилось легче.

Никто не бил меня, не морил голодом, не запирали в комнате. Мне покупали куртки, водили к стоматологу, спрашивали, хочу ли я хлопья или тосты. Просто я больше не была чьей-то дочерью. Я была девочкой, которой выделили место.

Потом была другая семья. Потом третья. Новая школа, новая кухня, новая женщина, которая старалась быть доброй и не понимала, почему я не ем овсянку с корицей. Мама варила такую по воскресеньям. Я ни разу не объяснила.

Я быстро поняла: сиротам нельзя быть слишком требовательными. Я говорила спасибо так часто, что к шестнадцати почти поверила: хотеть большего стыдно.

Сейчас у меня было больше. Только стыд почему-то никуда не делся.

Квартира с панорамными окнами. Ванная из черного камня. Гардеробная, где одно платье стоило дороже всей мебели в комнате, которую мне однажды выделили “на время”. Шелковое белье. Хороший кофе. Деньги на счетах. Мужчины, которые называли меня богиней, хотя еще десять минут назад не знали моего настоящего имени.

По паспорту я Мария Соколова.

Дочь русской эмигрантки. Сирота. Девочка, которая в двенадцать лет научилась складывать жизнь в мусорные пакеты и не привязываться к чужим комнатам.

Мария никому не была нужна.

А Мию сейчас хотят все.

Я взяла телефон, увидела сотни новых сообщений и бросила обратно. Потом все равно поднялась, накинула шелковый халат и пошла на кухню.

Черный кофе был моей самой честной привычкой. Без молока, сиропов и красивой пенки для сторис. Просто горечь в огромной чашке.

Пока машина шипела и наполняла кухню запахом, я стояла босиком на холодном полу и смотрела в темное окно. В отражении была девушка с мягкими волнистыми волосами, полными губами и телом, на которое мужчины тратили деньги охотнее, чем на психотерапию. Она выглядела так, будто контролирует все.

Я знала, как убедительно может выглядеть ложь.

Вернувшись в спальню, я села на кровать с ногами, взяла чашку обеими руками и открыла личные сообщения.

После истории с одним голливудским козлом мой директ стал похож на закрытый клуб для мужчин, которые публично говорили о семейных ценностях, благотворительности и уважении к женщинам.

Актер был женат, между прочим. Конечно, был. Такие почти всегда были женаты, помолвлены, “в сложном периоде” или “давно живут отдельно, просто пресса не знает”. Он писал мне в три ночи, называл опасной, обещал ужин на вилле, а потом заблокировал, когда его жена выложила семейные фото с пляжа.

Пара рэперов попроще хотя бы не строили из себя святых. Они светили меня в сторис, и это дало мне больше подписчиков, чем месяц рекламы. Один политик писал так осторожно, будто каждое сообщение уже читали его юристы. Музыканты звали на закрытые вечеринки. Модели присылали сердечки. Спортсмены начинали с “ты не такая, как все” и через пять сообщений просили фото, которое не выкладывают в общую ленту.

Я листала сообщения лениво, еще не до конца вернувшись в тело после стрима.

Ничего интересного. Те же предложения. Те же скучные комплименты, которые я слышала сотни раз. Те же мужчины, которые хотели почувствовать себя исключением, не предлагая ничего исключительного.

В сообщениях мелькнула синяя галочка.

Я даже не сразу поняла, почему остановилась. Просто палец замер над экраном, а внутри неприятно кольнуло что-то старое, почти забытое.

На фото он был в черной бейсболке и простой белой майке. Лицо наполовину в тени, плечи шире, чем я помнила, взгляд спокойный, уверенный.

Алекс Зорин.

В шапке стояло сухо и просто: команда, восьмой номер, защитник, колледж, почта менеджера. Сотни тысяч подписчиков. Фото с площадки. Видео, где он забивает сверху, а зал поднимается на ноги.

Алекс Зорин.

Мальчик, в которого была влюблена вся школа. Ну и я, конечно же в первых рядах. В школе он был Алексом для всех.

Для меня иногда Сашей.

Не вслух, конечно. Я не была настолько смелой. Просто когда слышала, как его мама забирает его после игры и говорит: “Саша, куртку надень”, у меня внутри почему-то становилось теплее.

Наверное, только из-за этого мы вообще перекинулись в школе парой фраз. Две русские фамилии в списках, две мамы с акцентом, два человека, которые знали, что такое отвечать дома на одном языке, а в школе на другом.

Он был не просто красивым. Красивых мальчиков хватало. Алекс был таким, рядом с которым люди сами начинали светиться ярче, лишь бы он заметил. Учителя улыбались ему дольше. Парни хотели играть с ним в одной команде. Девочки поправляли волосы, когда он заходил в столовую. Он был из тех парней, которых ненавидишь за то, что они даже не замечают, как легко им все дается. И за то, что всё равно не можешь отвести взгляд.

Он играл в баскетбол так, будто пол в спортзале принадлежал ему по праву рождения.

Высокий, быстрый, спокойный. Уже в школе про него говорили, что у парня большое будущее. У него будущее было как прожектор над площадкой. Видимое всем.

Плохого парня можно было бы пережить.

Алекс был хуже. Он был хорошим.

У меня в то время была очередная приемная семья, куртка с распродажи и привычка заранее извиняться, если занимала слишком много места.

Я была тихой. Правильной. Слишком благодарной.

И до безумия влюбленной.

Я писала его имя на полях тетрадей, а потом зачеркивала так сильно, что рвала бумагу. Перед сном шептала глупые фразы, найденные на подростковых форумах, потому что тогда еще верила: если повторять желание достаточно долго, вселенная услышит.

Алекс Зорин замечает меня.
Алекс Зорин выбирает меня.
Алекс Зорин любит меня.

Вселенная не услышала.

Алекс был со мной вежлив, и этим все только портил. Как-то раз поднял мой учебник, который я, кажется, нарочно уронила ему под ноги. Однажды придержал дверь. Однажды спросил “ты в порядке?”, когда я плакала в коридоре после звонка от сокурсника.

Я потом неделю жила на этом “ты в порядке?”.

Потом он уехал в колледж. Я сменила школу. Жизнь сделала со мной то, что делает со всеми девочками, которые слишком долго мечтают о признании: сначала отучила надеяться, потом научила продавать надежду другим.

Лос-Анджелес Рейвенс.

Я видела новости. Через несколько дней Алекс начинал сезон в составе одной из самых обсуждаемых команд лиги. Новый контракт, большие ожидания, лицо франшизы. Спортивные медиа обожали такие слова. Лицо франшизы. Будущее команды.

И это будущее команды написало мне в личные сообщения.

Маша Соколова, ты ли это?

Я смотрела на экран и почему-то не могла сразу улыбнуться.

Маша Соколова. Так меня не называл теперь почти никто.

Не знаю, помнишь ли ты меня. Westbrook High. Я Алекс.

Я тихо рассмеялась. Помню ли я.

Я помнила его мокрые волосы после игры. Помнила белую форму с номером двенадцать. Помнила, как он смеялся, запрокидывая голову, а у меня от этого становилось жарко под школьной кофтой. Помнила, как однажды он сел рядом со мной на скамейку, потому что больше не было места, и я весь следующий урок не понимала, что написано в учебнике.

Я в городе перед стартом сезона. Увидел твой профиль и не поверил. Буду рад увидеться, если ты не против.

Он не писал грязно. Не делал вид, что мы чужие люди, которым нужно сразу перескочить через все лишнее. В его сообщениях было что-то почти нормальное.

Почти.

И, может быть, именно поэтому у меня внутри проснулась не Мия.

А Маша.

Та самая девочка с его зачеркнутым именем на полях тетради. Та, которая слишком долго верила, что если однажды Алекс Зорин посмотрит на нее по-настоящему, все плохое с ней окажется временным.

Я сделала глоток кофе. Он обжег язык, но я не сразу почувствовала боль.

Взрослая часть меня знала, что можно ждать от таких парней. Взрослая часть меня видела достаточно отелей, черных машин, закрытых лифтов и утренних блокировок, чтобы не строить сказку из нескольких вежливых сообщений.

Но где-то глубже, под дорогим бельем, под кожей, под именем Мия, все еще жила девочка, которая хотела не просто быть желанной. Она хотела, чтобы ее узнали.

Я снова открыла его сторис. На последней был темный фон, золотые буквы и отметка отеля. Я могла попасть туда без его приглашения.

Я не ответила.

Поставила чашку на тумбу, поднялась и пошла в гардеробную. Свет включился мягко, по движению, открывая ряды платьев, шелка, кожи, тонких бретелей и тканей, которые существовали на границе между “дорого” и “нельзя”.

Я провела пальцами по черному платью, потом по серебряному, потом остановилась на красном. Оно было слишком смелым для случайной встречи и идеально подходящим для встречи, о которой я мечтала восемь лет назад.

В зеркале на меня смотрела Мия. Но внутри у нее, глупо и почти больно, билось детское Машино сердце.

Завтра я увижу Алекса Зорина.

Глава 2

— А потом этот старый хрыщ мне заявляет, что привык, чтобы ему завтрак готовила любимая женщина. Клешни-то не отвالتها кофе сварить? Машут, ты чего молчишь? Утомила бабка тебя?

Любовь Никитична Миллер чуть сдвинула темные очки к кончику носа и посмотрела на меня поверх стекол.

Любонька не могла меня утомить.

Она могла утомить администрацию нашего жилого комплекса, троих бывших адвокатов, детей своего покойного мужа и любого несчастного, кто совершал ошибку и начинал с ней спорить. Но меня нет.

Я лежала на шезлонге у бассейна, смотрела на блики в ярко-голубой воде и пыталась делать вид, что у меня просто выходной. Солнце грело бедра, лед в стакане давно растаял, на коже пахло кокосовым кремом. Вокруг тихо шелестели полотенца, кто-то листал журнал, кто-то лениво разговаривал по телефону о деньгах так спокойно, будто обсуждал погоду.

А у меня с самого утра в горле стоял ком. Дурное предчувствие.

Как будто тело уже знало, что я собираюсь залезть туда, где меня снова размажут по красивой стене. В мыслях я все еще строила планы, выбирала платье и вспоминала, как Алекс Зорин написал мне “Маша Соколова”, а живот уже неприятно сжимался.

Маша, конечно, хотела пойти. Мия делала вид, что ей просто любопытно.

— Ну что за выражение на твоем личике, — сказала Любовь Никитична.

— Какое?

— Как у моей третьей свекрови, когда я сказала, что не умею готовить и не собираюсь учиться.

— Это плохо?

— Для свекрови было плохо. Для меня отлично. Я потом развелась и купила первую яхту.

Я повернула голову и впервые за утро улыбнулась.

Любовь Никитична Миллер была самым странным человеком в нашем доме и, возможно, самым нормальным. Семьдесят восемь лет, оранжевая льняная рубашка, белые брюки, золотые браслеты на тонких запястьях и такие серьги, будто она вышла к бассейну не загорать, а принимать дары вождя соседнего племени. Или головы поверженных врагов.

Она говорила по-русски уже неровно. Иногда путала окончания, иногда вставляла английские слова, когда не могла вспомнить нужное, но ругаться умела чисто. Видимо, мат не забывается даже после пятидесяти лет эмиграции.

В доме ее называли миссис Миллер. Я называла Любовь Никитична, потому что ей это нравилось. Она говорила, что Любовь Никитична звучит как бабка, которая пережила всех мужей и еще собирается танцевать на их могилах.

Мужей у нее было шесть.

Она рассказывала о них так, будто пересказывала сезоны длинного сериала. Один был бедным и красивым. Другой богатым и скучным. Третий, по ее словам, “немножко криминальный, но с хорошими манерами”. Последний был техасским фермером-миллионером. Его взрослые дети после его смерти решили, что русская жена должна поцеловать его в лоб, положить цветы на могилку и исчезнуть из завещания.

Любовь Никитична не исчезла.

Она судилась с ними восемь лет и отсудила столько, что теперь могла пить просекко у бассейна, заниматься пилатесом с личным тренером и называть молодых мужчин “неудачной инвестицией”.

— Так что с тобой? — спросила она и лениво помешала трубочкой лед в стакане. — Не ври. Врать ты умеешь только на камеру. Мне дурно уже.

— Мне написал один парень.

— Ну и?

Я провела пальцем по холодному стакану. На коже осталась мокрая дорожка.

— Мы учились в одной школе.

— О. Старое мясо.

— Любовь Никитична.

— Что? Старое мясо всегда воняет сильнее свежего.

Я прикрыла глаза рукой от солнца и рассмеялась уже по-настоящему. С ней было легко смеяться. Наверное, потому что она никогда не делала вид, что жизнь серьезнее, чем кажется.

— Его зовут Александр Зорин. Для всех Алекс. Он из русской семьи. Сейчас играет за “Лос-Анджелес Рейвенс”. Ну, только начинает нормально играть. Сезон скоро стартует, вокруг него много шума.

— Баскетболист?

— Да.

— Высокий?

— Ну конечно.

— Красивый?

Я посмотрела на воду.

— Был.

— Значит, стал еще хуже.

— Он был парнем, по которому сходила с ума вся школа.

— И ты?

— Я была в первых рядах.

Любовь Никитична сняла очки совсем. Вот теперь ей стало интересно.

— Он тебя обижал?

— Нет. В этом и проблема. Он был нормальным. Вежливым. Добрым даже.

— И ты, конечно, решила, что это знак судьбы.

— Мне было шестнадцать.

— Машут, некоторым семьдесят восемь, и они все еще думают, что если мужчина сам помыл чашку, это знак судьбы. Возраст не отменяет дурость, он только делает ее смешнее.

Я отпила кофе со льдом. Он был водянистый, но холод немного помог.

— Мы с ним вообще общались только потому, что оба были из русских семей.

Любовь Никитична улыбнулась мягче.

— Это важное.

У меня неприятно кольнуло под ребрами.

— И что этот баскетболист написал тебе? — спросила Любовь Никитична.

— Написал: “Маша Соколова, ты ли это?”

— Ах, гад.

Я молчала.

— Он предложил что-то конкретное? — спросила Любовь Никитична.

— Не совсем. Сказал, что будет рад увидаться. Сегодня у команды закрытый прием перед сезоном. Я увидела сторис. Могу попасть.

— Через него?

— Нет. Сама.

— Уже лучше.

— Но у меня плохое чувство.

— Конечно плохое. Ты идешь не на вечеринку, а на похороны своей старой фантазии. Такое редко бывает весело.

Я посмотрела на нее.

— Вы умеете поддерживать.

— Умею. Поэтому и говорю правду. Если фантазия умрет, ты свободна. Если не умрет, у нас будет интересный вечер.

— У нас?

Любовь Никитична надела очки обратно и взяла стакан.

— Я иду с тобой.

— Вы?

— А кто? Твои подписчики? Максимум что они могут это попросить фото пяток.

Я рассмеялась, но на сердце почему-то стало легче.

— Вы правда хотите пойти на эту скучную тусовку?

— Я хочу посмотреть на мужчину, из-за которого ты сидишь как сирота перед витриной с тортами.

— Я вообще-то и есть сирота.

— Вот именно. Поэтому я иду. Сиротам нельзя ходить к старым мечтам без взрослой женщины с хорошим адвокатом.

К вечеру плохое чувство никуда не делось, но я решила, что это не повод сидеть дома. Если бы я каждый раз слушала свои тревоги, я бы до сих пор жила в чужой комнате, благодарил за хлопья и носила платья, которые мне не нравятся.

Я выбрала красное.

Не самое откровенное, что у меня было. Это было бы слишком просто. Платье держалось на тонких бретелях, мягко обнимало грудь и талию, открывало ногу ровно настолько, чтобы никто не мог сказать “вульгарно”, но все равно смотрел второй раз. Оно не кричало. Оно знало себе цену.

Я долго стояла перед зеркалом и пыталась понять, кого веду сегодня в отель.

Мию, которой не страшны мужчины с миллионами? Машу, которая восемь лет назад писала “Алекс Зорин любит меня” на полях тетради?

Или какую-то третью, которая устала быть либо желанной, либо невидимой.

Любовь Никитична появилась у моей двери в черном костюме, белой шелковой блузке и с маленькой сумкой, в которой, по моим ощущениям, могли поместиться только паспорт, помада, пистолет и завещание какого-нибудь четвертого мужа.

Она обвела меня взглядом.

— Ну пойдет.

У отеля уже стояла плотная очередь из людей, которые делали вид, что не стоят в очереди. Черные машины одна за другой останавливались у входа. Из них выходили девушки в платьях, мужчины в дорогих пиджаках, какие-то знакомые лица, которые я видела то в сериалах, то в рекламных кампаниях, то в чужих сторис.

Я еще раз открыла скриншот.

“Меридиан”. В восемь вечера.

Я не стала отвечать Алексу и не стала просить помощи. Это было важно. Слишком важно, если честно.

Мне хотелось войти туда не как девочка, которую позвали в номер или добавили в список из жалости. Мне хотелось войти самой. Красивой, взрослой, дорогой, такой, от которой у бывшей школьной мечты хотя бы на секунду собьется дыхание.

У входа проверяли списки. Охрана была из тех, кто умеет смотреть на людей так, будто уже решил, сколько стоит их одежда и насколько они нужны внутри.

Моего имени в списке не было.

Имени Любви Никитичны тоже.

Проблема в том, что она не выглядела человеком, которого можно не пустить. Она чуть приподняла очки, улыбнулась охраннику и произнесла фамилию какого-то продюсера так уверенно, будто вчера ужинала с его матерью.

Охранник нахмурился.

— Мэм, я не вижу вас в списке.

— Милый, я себя там тоже не вижу, потому что у вас планшет слишком маленький.

Я уже приготовилась провалиться сквозь мраморный пол.

К нам подошла девушка с бейджем организатора, быстро окинула взглядом Любовь Никитичну, потом меня, потом снова Любовь Никитичну. На ее лице мелькнуло то самое выражение, которое я знала очень хорошо: “Не знаю, кто это, но вдруг важные”.

— Вы к мистеру Ардену? — осторожно спросила она.

— Конечно, — сказала Любовь Никитична так спокойно, будто мистер Арден был ее любимым внуком.

Девушка кивнула охране.

— Пропустите.

Я улыбнулась только когда мы оказались внутри лифта.

— Кто такой мистер Арден?

— Понятия не имею.

Двери лифта открылись на верхнем этаже.

Зал был темным, с панорамными окнами, низким светом и видом на город. Никакого намека на баскетбол, “Рейвенс” и спорт в целом. Но я решила, что паниковать пока рано. Мы с Любовью Никитичной прошли внутрь.

На меня сразу начали смотреть.

Я к этому привыкла. Сначала глаза цеплялись за платье, потом за лицо, потом за ощущение, что где-то меня уже видели.

Один актер, которого я видела в сериале про богатую семью с кучей убийств, улыбнулся мне так, будто мы были знакомы. Рядом с ним стояла девушка, явно слишком молодая для него. Любовь Никитична поймала его взгляд, оценила костюм и прошептала:

— Этот изменяет жене даже во сне.

Я не выдержала и засмеялась. Стало чуть легче.

Мы прошли мимо бара, мимо группы продюсеров, мимо двух девушек из реалити-шоу, которые делали вид, что не узнают меня. Я искала высокие фигуры, спортивные плечи, знакомые лица из профиля Алекса. Но вокруг были киношники, модели, музыканты, люди у которых на лице было написано: “я устанавливаю бюджеты” и “я сплю с теми, кто устанавливает бюджеты”.

Команды не было.

Я все равно упрямо шла дальше.

В какой-то момент у бара мелькнули широкие плечи, и у меня глупо сбилось дыхание. Я даже шагнула вперед, прежде чем мужчина повернулся.

Не он. Конечно, не он.

Я сделала вид, что просто поправляю браслет, но пальцы стали влажными.

— Может, они в другом зале, — сказала я больше себе, чем Любви Никитичне.

— Конечно. Баскетболисты большие, им нужен отдельный загон.

Я остановилась у стеклянной стены и открыла телефон, чтобы еще раз посмотреть сторис.

Руки стали чуть влажными.

Меридиан. Восемь вечера.

Все сходилось.

— Мия?

Я обернулась.

Передо мной стоял высокий мужчина в светлом пиджаке и белой футболке. Не Алекс. Но тоже из тех, кого невозможно спутать с обычным гостем. Рост под два метра, широкие плечи, дорогие кроссовки. Он улыбался так уверенно, будто давно привык, что девушки узнают его быстрее, чем он успевает представиться.

Я знала его лицо. Кажется, он играл за “Финикс”. Или за “Даллас”. Или переходил туда этим летом.

— Привет, — сказал он и улыбнулся шире. — Не думал увидеть тебя здесь.

Любовь Никитична рядом моментально оживилась, как охотничья собака при запахе дичи.

— Мы тоже о тебе сегодня не думали, — сказала она по-русски.

Я сделала вид, что не услышала.

— Мы знакомы? — спросила я.

— Не лично. Но интернет делает людей ближе, чем надо.

Он сказал это весело, но взгляд все равно скользнул по платью вниз и вернулся обратно к лицу.

— Джейден Моррис, — представился он. — “Даллас”.

Точно. “Даллас”.

— Мия.

— Это я знаю.

Он сказал это чуть тише.

Вот так обычно все и начиналось. Раньше меня это хотя бы развлекало. Сегодня раздражало, потому что я пришла не за этим.

— Ты одна? — спросил он.

— Со мной моя подруга.

Любовь Никитична сняла очки.

— Я ей не подруга. Я ее совесть, но и я замолкаю, когда пью шампанское.

Джейден моргнул, потом рассмеялся.

— У вас сильная команда.

— У меня всегда сильная команда, — сказала я и посмотрела ему за плечо. — Слушай, а где остальные?

— Какие остальные?

— Ну... ваши. Игроки. Команда.

Он нахмурился.

— Моя команда?

— Не твоя. “Рейвенс”. Я думала, здесь их вечеринка.

На лице Джейдена сначала появилось недоумение. Потом он искренне рассмеялся.

— А с хера ли здесь быть “Рейвенс”?

Глава 3

POV Алекс

— В жопу “Даллас”, — сказал Тайлер и поднял бутылку с водой так, будто это был чемпионский кубок. — И особенно в жопу Морриса.

Комната взорвалась смехом.

Я тоже улыбнулся, хотя в голове застряло только сообщение, которое я отправил Мие несколько часов назад.

Маша Соколова, ты ли это?

Закрытая комната на верхнем этаже “Меридиан Вест” была набита нашими. Игроки, тренеры, пара людей из штаба, владельцы на пару минут заглянули сказать правильные слова и быстро вышли к спонсорам. Мы были одеты для приема, в пиджаках, накинутых на футболки, с часами по тридцать тысяч, но внутри все равно оставались пацанами в раздевалке.

— Моррис опять открыл рот в интервью, — сказал кто-то у бара. — Типа “Даллас” в этом году покажет, что такое настоящая защита.

— Настоящая защита у них была бы, если бы Морриса заткнули наконец, — бросил Тайлер.

Снова смех.

Я сидел на краю дивана, крутил в пальцах стакан с водой и смотрел, как лед бьется о стекло. Обычно такие вечера заряжали. Команда рядом, сезон впереди, все еще чистое, не испорченное поражениями, травмами и чужими ожиданиями. В такие моменты легко было поверить, что если держаться вместе, слушать тренера и не выпадать из системы, можно идти куда угодно.

Я всегда так и жил.

Держись своих. Не тяни одеяло. Делай, что нужно команде. Не спорь с тренером. Не спорь с агентом. Не создавай лишнего шума.

Хороший игрок понимает роль.

Мне это вбили раньше, чем я научился нормально бриться.

В школе я был высоким русским парнем с фамилией, которую тренеры коверкали первые два года, и броском, из-за которого потом резко научились произносить ее правильно. Ну, почти правильно. Дома меня называли Сашей, бабушка до сих пор говорила, что главное не позорить фамилию и не забывать, кто ты такой. На площадке я очень быстро стал Алексом Зориным. Тем самым Зориным, про которого шептались родители других игроков и спорили тренеры.

Если не сломается и не зазвездится, далеко пойдет.

А потом меня выбрали на драфте.

И можно было сколько угодно делать вид, что я держу голову холодной, но внутри меня разносило. Первый сезон в лиге. В той самой лиге, ради которой пацаны по всему миру убиваются на площадках, смотрят хайлайты до трех ночи и мечтают хотя бы раз выйти под этот свет. Я вышел. Теперь по-настоящему.

Опасное чувство.

В командном спорте это хуже, чем неудачный бросок. Стоит поверить, что ты важнее системы, и тебя быстро ставят на место. Тренер, ветераны, соперники, игра. Кто-нибудь обязательно напомним.

Но в тот день я все равно поверил.

Не так, конечно, чтобы войти в клубную раздевалку как король жизни. Я просто открыл ее профиль и подумал: теперь могу.

Теперь Мия мне точно ответит.

Я узнал ее не сразу. Сначала было только тело на экране, беспощадный свет, чужие смешки и мое собственное молчание, за которое мне стало стыдно еще до того, как я понял почему. Парни смотрели на нее так, как мы тогда и смотрели порнуху: ржали, отпускали тупые пошлые комментарии, спорили, кто бы “вывез” такую вживую, и передавали телефон друг другу.

У меня пересохло во рту, тело среагировало раньше головы, и от этого стало почти мерзко. Я хотел отвернуться. Не отвернулся. А потом она посмотрела в камеру чуть дольше, почти насмешливо, и я понял, где уже видел этот взгляд. У школьных шкафчиков. Только тогда она смотрела на меня снизу вверх, красная от слез и смущенная от того, что я это заметил. А теперь смотрела прямо в камеру, взрослая, красивая до злости, и будто спрашивала: ну что, Саша, теперь хватит смелости?

В школе она мне нравилась. Да, нравилась. Не так, чтобы я писал ее имя в тетрадях или ждал у шкафчиков, как в тупых подростковых фильмах. Но я видел ее. Тихую, аккуратную, бесцветную рядом с девочками, которые приходили на наши игры в коротких юбках, красили губы в туалете и смеялись так громко, чтобы их слышали через весь коридор.

Маша не была королевой школы. Она вообще не тянула на девочку, ради которой парень из команды должен был терять голову. Серая кофта, волосы чаще убраны, взгляд вниз, будто она заранее извинялась за то, что занимает место. Но именно поэтому я ее и замечал. На фоне всех этих блестящих, громких, уверенных девчонок она была как закрытая дверь в конце коридора.

И меня бесило, что я хочу узнать, что за ней.

Я замечал, как она краснела, когда моя мать называла меня Сашей. Замечал, как быстро отводила глаза, если я ловил ее взгляд. Замечал, как она смеялась один раз на весь урок, а потом сразу будто сама себя останавливала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.